

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 51-62.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 51-62.

Научная статья
УДК 314.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Анна Александровна Вяльшина
Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, anvyal@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ социально-экономических тенденций развития сельских территорий России после прохождения пика пандемии COVID-19. Выявлены особенности развития демографических процессов на селе, динамики занятости и безработицы сельского населения, уровня денежных доходов и бедности за 2015-2022 гг. Показаны тенденции сокращения уровня занятости в 2020 г., а также различия уровня безработицы сельчан в зависимости от уровня образования и возраста. Эмпирически подтвержден тренд сокращения доли малоимущих домохозяйств разного типа с 2015 по 2021 гг., обусловленный масштабными мерами социальной поддержки населения в 2020-2021 гг. Сделан вывод о необходимости принятия неотложных мер для преломления начавшейся в 2015 г. тенденции сокращения рождаемости на селе, обогнавшей негативную динамику рождаемости городского населения. Полученные результаты исследования позволяют глубже понять внутренние и внешние резервы различных групп сельского населения по адаптации в периоды социально-экономической нестабильности.

Ключевые слова: сельские территории, демографическое развитие, занятость сельского населения, сельская безработица, бедность, денежные доходы.

Для цитирования: Вяльшина А.А. Социально-экономические тенденции устойчивого развития сельских территорий России в постпандемийный период // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 51-62.

Original article

SOCIAL AND ECONOMIC TRENDS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES IN RUSSIA IN THE POST-PANDEMIC PERIOD

Anna A. Vyalshina
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
anvyal@mail.ru

Abstract. An analysis of social and economic trends in the development of rural areas in Russia after the peak of the COVID-19 pandemic is presented. The features of the development of demographic processes in rural areas, the dynamics of employment and unemployment of the rural population, the level of cash income and poverty for 2015-2022 have been identified. The trends in

the reduction of employment in 2020 are shown, as well as the differences in the unemployment rate of rural residents depending on the level of education and age. The trend of reduction in the share of low-income households of various types from 2015 to 2021, due to large-scale measures of social support for the population in 2020-2021, has been empirically confirmed. It is concluded that it is necessary to take urgent measures to reverse the trend of declining birth rates in rural areas that began in 2015, which has overtaken the negative dynamics of the birth rate of the urban population. The results of the study allow one to better understand the internal and external reserves of various groups of the rural population for adaptation during periods of social and economic instability.

Key words: rural areas, demographic development, rural employment, rural unemployment, poverty, cash income.

For citation: Vyalshina A.A. Social and economic trends in sustainable development of rural territories in Russia in the post-pandemic period. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2023;(3):51-62. (In Russ)

Введение.

В последние годы в глобальном масштабе обострились проблемы, связанные с региональной (территориальной) стабильностью, в результате чего особую актуальность приобрел поиск механизмов и разработка инструментов с целью формирования условий для устойчивых и справедливых сообществ. Все регионы и территориальные системы подвержены различным типам угроз, и время от времени они испытывают потрясения, влияющие на экономику и общество. Территориальная устойчивость представляет собой способность локальной системы реагировать на последствия таких сбоев и нарушений и, по возможности, минимизировать их. Территориальная устойчивость — это готовность и способность к адаптации. Потрясения, подобные пандемии COVID-19, часто приводят к инновациям и позитивным изменениям, например, за счет расширения возможностей дистанционной занятости, инноваций в бизнесе и государственном управлении. Кризис стимулирует устранение неэффективных и неустойчивых практик, и во время пандемии рабочие места во всем мире продемонстрировали способность к адаптации. Отдельные эксперты отмечают, что, хотя технический прогресс может двигаться довольно быстро, способность людей приспосабливаться к развитию, например, средств ИКТ относительно медленна. Исследования показывают, что цифровизация — это на 20% технологии и на 80% человеческие усилия, а также процесс управления изменениями.

Устойчивость характеризует способность системы эластично восстанавливаться после нарушений или сбоев. Однако при использовании подхода территориальной устойчивости для целей государственного управления необходимо сосредоточиться на способностях территорий адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и переориентировать свою структурную организацию на новые экономические, социальные и культурные механизмы. Этот подход предполагает, что социально-экономическое развитие является сложным, нелинейным, динамичным процессом, находящимся под влиянием глобальных, национальных и местных факторов. Территориальные системы находятся под постоянным воздействием рисков и стресса, поэтому в долгосрочной перспективе устойчивость зависит не столько от способности территорий противостоять потрясениям, сколько от их гибкости и способности приспосабливаться к изменяющимся условиям. Эксперты обращают внимание, что в условиях постоянной нестабильности для управления территориальной устойчивостью необходим переход от «оптимизма планирования» прошлого к повышенному вниманию к подготовке к неожиданностям и неопределенности.

Целью исследования является анализ социально-экономических тенденций устойчивого развития сельских территорий России в постпандемийный период. Основными задачами исследования являются: обоснование складывающегося тренда демографического развития сельских территорий с 2015 г; исследование половозрастных, гендерных и образовательных особенностей динамики уровня занятости и безработицы сельского населения в период локдауна; анализ тенденций изменения уровня среднедушевых денежных доходов различ-

ных социальных групп сельских домохозяйств и динамики уровня бедности сельского населения.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата, результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, а также прикладного пилотажного социологического исследования «Дети в современной семье», проведенного ИАГП РАН в мае 2022 года. Объект исследования – студенты Вавиловского университета (N = 357). В выборке 211 мужчин (59,1%) и 146 женщин (40,9%). В составе опрошенных 119 человек в возрасте 17-18 лет (33,4%), 124 человека 19-20 лет (34,7%) и 114 человек в возрасте 21 год и старше (31,9%). Среди респондентов 236 человек являются городскими жителями (66,1%), остальные 121 человек до учебы проживали в сельской местности (33,9%).

Результаты исследования.

Различия в социально-экономических, социально-психологических, культурных и природных условиях жизни города и села являются объективными предпосылками для появления неповторимых черт в поведении их жителей. Факторы, воздействующие на индивидов в городской и сельской местностях, приводят к появлению городской и сельской ментальности. Они различаются структурой ценностных ориентаций, способами жизнедеятельности, уровнями притязаний, спецификой социальных взаимодействий, а также особенностями социальных норм, установок, предпочтений и стереотипов поведения. Кроме того, различия в моделях поведения между сельскими и городскими жителями обусловлены ростом социальной, профессиональной и территориальной мобильности в последние десятилетия. Степень реализации имеющихся возможностей обуславливает различия в готовности разных групп сельского населения к использованию новых форм и способов деятельности, познания, общения, готовности к неожиданностям в повседневных вопросах, склонности к риску и нестандартным ответам на вызовы жизни. Ресурсы и ограничения индивидов трансформируют не только их образ жизни и непосредственную социально-культурную среду, но и личные возможности и самооценку. Культурная неоднородность в городе определяется индивидуальным выбором человека, его предпочтениями в сферах профессиональной деятельности, потребления, досуга. Модели поведения сельских жителей в большей степени обусловлены чертами традиционности, коллективности, сплоченности, укорененности в сельский образ жизни. Анализ жизненных стратегий разных поколений показывает, что старшее поколение сохраняет традиционный характер идентичности, позволяющий в кризисной ситуации воспроизводить традиционные практики и использовать их как адаптационные. Однако идентичность среднего и особенно младшего поколения показывает, что трансформация социокультурных норм и традиций обуславливает конфликт со средой, вытесняя их либо в города, либо задействует стратегию пассивного выживания.

Продолжающийся демографический кризис сельских территорий, подкрепленный оттоком наиболее креативной и деятельной части сельчан, а также отсутствие перспектив эффективного развития сельской социальной инфраструктуры обуславливают необходимость анализа действующих механизмов адаптации нынешних сельских жителей к условиям социально-экономической нестабильности. Кроме того, принятая в сентябре 2022 г. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года предполагает сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации и повышение качества его жизни. Эксперты утверждают, что для каждого типа территорий нужны разные мероприятия для стимулирования социально-экономического развития и поддержания территориальной устойчивости. В этих условиях особую актуальность приобретают исследования, нацеленные на анализ складывающихся тенденций в ситуации непрекращающейся социально-экономической турбулентности последнего десятилетия, начиная от особенностей трансформации современной социальной структуры села и заканчивая динамикой массового сознания различных поколений сельчан.

Выявление социально-демографических факторов устойчивого развития сельских территорий России в среднесрочном периоде предполагает исследование демографических из-

менений в период пандемии. В России с 2015 г. наметился демографический спад, подтверждаемый снижением суммарного коэффициента рождаемости, как в городе (с 1,678 в 2015 г. до 1,436 в 2021 г.), так и на селе (с 2,318 в 2014 г. до 1,734 в 2021 г.). С 2005 г., благодаря государственным мерам поддержки рождаемости, наблюдался рост числа рождений, причем в сельской местности более высокими темпами. Однако с 2015 г. начал сокращаться не только разрыв между городской и сельской рождаемостью, но и рождаемость на селе впервые за много лет стала ниже городской (рис. 1). Согласно официальным данным Росстата на 1000 человек сельского населения стало рождаться меньше детей, чем на 1000 человек городского населения. Большинство демографов убеждены, что главными драйверами этих процессов стало уменьшения численности женщин репродуктивного возраста, сокращение потребности современной молодежи в семье с несколькими детьми, а также «старение» возраста материнства [1; 2].

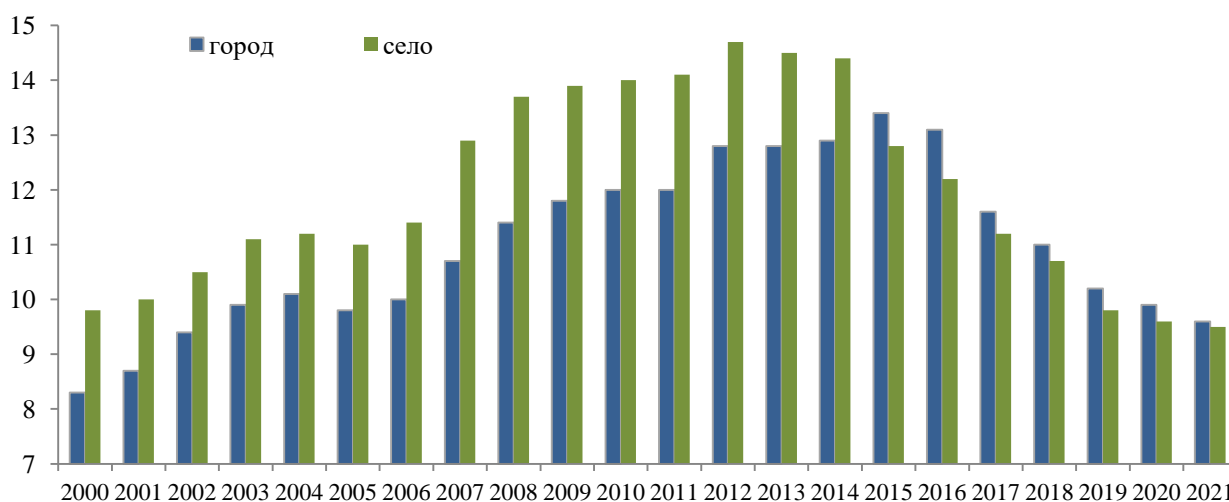

Рисунок 1 - Общий коэффициент рождаемости в зависимости от места проживания, число родившихся на 1000 чел. населения.

Источник: Демографический ежегодник России. 2022.

В этих условиях анализ особенностей репродуктивных установок и предпочтений различных социальных групп молодежи вносит вклад в понимание изменения моделей репродуктивного поведения в условиях неопределенности, что позволит обосновать возможные резервы преодоления демографического кризиса сельских территорий. Согласно проведенному в ИАГП РАН социологическому исследованию, около 66,4% опрошенных студентов убеждены, что пандемия COVID-19 не станет барьером для семей, решивших родить ребенка. Чаще остальных к этому склоняются молодые мужчины (67,3%), выходцы из сельской местности (69,4%), молодежь в возрасте 21 лет и старше (77,1%), а также те, кто планируют иметь 3 и более детей (72,6%). Абсолютное большинство из них считает, что это решение обусловлено чувствами партнеров между собой, а также в целом к своей семье и детям. Около 33,6% считают, что ожидания социально-экономической нестабильности постпандемического периода, связанные с потерей доходов и занятости, а также трудностями в получении необходимой медицинской помощи, станут достаточным основанием, чтобы отложить планы по рождению детей до лучших времен. Чаще всего с этим согласны девушки (34,9%), жители городов (35,2%), а также молодежь, не планирующая иметь детей (60,0%).

Анализ тенденций занятости и безработицы сельского населения позволяет понять предпосылки складывающихся моделей трудового поведения в ситуации социально-экономической нестабильности, а также стратегии адаптации к ним с целью поддержания приемлемого уровня материального благополучия. Уровень занятости сельских мужчин традиционно выше по сравнению с женщинами. Данные обследования населения по проблемам занятости свидетельствуют о том, что уровень занятости сельских мужчин сокращался в пе-

риод пандемии COVID-19 и локдауна (с 67,1% в 2016 г. до 59,9% в 2020 г., в целом на 10,7%) (рис. 2). Для женщин характерно более серьезное сокращение уровня занятости за этот период – с 54,7% в 2015 г. до 45,1% в 2020 г. или на 17,6%. Однако за период с 2021 г. по 2 квартал 2023 г. уровень занятости сельских мужчин вырос до 63,2% (на 5,5%), а женщин – до 47,8% (на 5,9%).

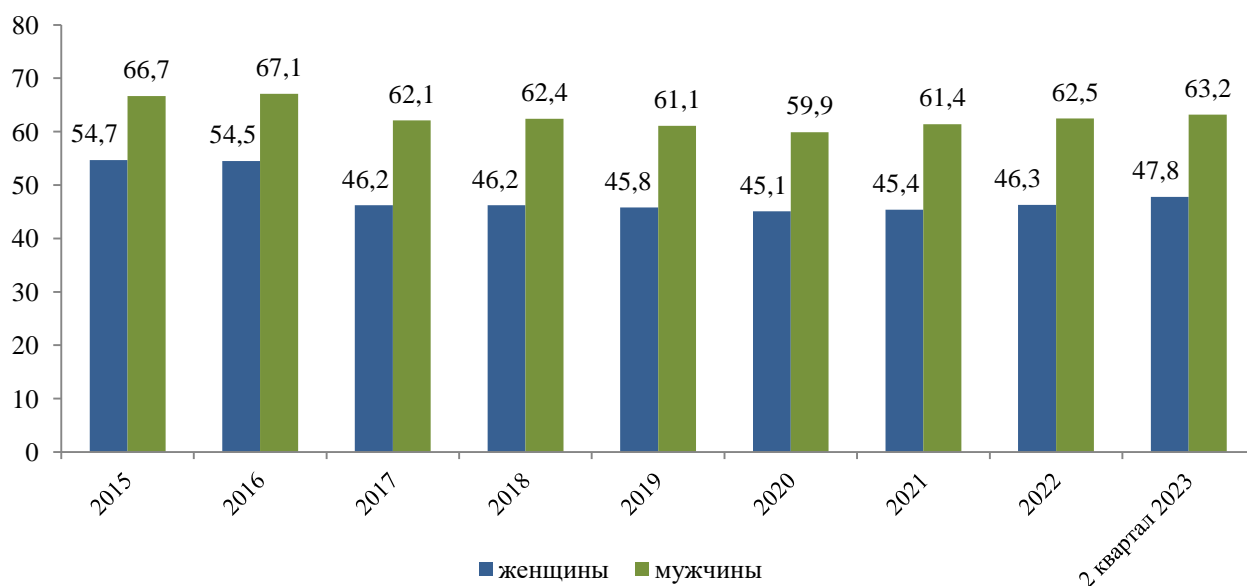

Рисунок 2 - Уровень занятости сельского населения в зависимости от пола, в %

Отраслевая структура занятости сельского населения претерпела изменения с 2015 по 2022 гг. Традиционно, около четверти сельских мужчин были заняты в сельском хозяйстве, однако, за этот период их доля сократилась с 26,0% в 2015 г. до 23,4% в 2022 г. (на 9,9%). Также уменьшился удельный вес мужчин, занятых в строительстве (с 12,9% в 2015 г. до 11,4% в 2022 г. или на 11,2%). Максимальный «прирост» мужчин отмечается в таких отраслях, как: добыча полезных ископаемых (на 21,5%), финансы и страхование (на 21,2%), транспорт и связь (на 10,8%) и обрабатывающие производства (на 10,2%). Структура занятости женщин по отраслям также претерпела изменения. Так, в составе занятых женщин удельный вес работников сельского хозяйства сократилась на 25,8% (с 17,5% в 2015 г. до 13,0% в 2022г.). При этом выросла доля занятых женщин в таких отраслях, как: финансы и страхование (на 28,7%), образование (на 7,9%), обрабатывающие производства (на 6,0%), транспорт и связь (на 6,6%), торговля и обслуживание (на 2,6%).

Анализ возрастной структуры занятого сельского населения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на «пандемийный» кризис, удельный вес лиц в возрасте 15-19 лет и старше 70 лет в структуре занятого сельского населения оставался приблизительно на одном уровне. Во-вторых, наметившаяся в доковидный период тенденция роста доли лиц 30-39 лет, 40-49 лет и особенно 60-72 лет в структуре занятого сельского населения продолжила свой рост и в постпандемийный период. Так, доля лиц 60-72 лет увеличилась с 5,1% в 2017 г. до 7,2% в 2023 г. В-третьих, удельный вес молодежи 20-29 лет в структуре занятого населения стабильно сокращается с 20,7% в 2015 г. до 15,7% в 2022 г.

Интересно отметить, что в кризисный 2020 г. уровень занятости лиц 20-29 лет, 30-39 лет и 40-49 лет сокращался на 4,3%, 3,5% и 1,4%, соответственно, однако, в последующие годы вырос более допандемийных показателей. Например, уровень занятости молодежи 20-29 лет вырос с 62,5% в 2020 г. до 72,8% в 2022 г. (или на 16,5%); лиц 30-39 лет – с 78,5% до 87,6% (или на 11,6%), работников 40-49 лет – с 82,1% до 87,3% (на 6,3%) (рис. 3). Наиболее интересна ситуация с ростом уровня занятости лиц 50-59 лет: она постоянно росла, начиная с 65,4% в 2015 г. до 79,6% в 2022 г, не сокращаясь даже в кризисный 2020 г. (на 21,7%). Более того, аналогичная ситуация характерна для работников старшего поколения – уровень заня-

тости лиц 60-69 лет вырос с 19,7% в 2018 г. до 30,7% в 2022 г (или на 55,8%). Данные факты свидетельствуют о том, что потребности российской экономики в 2021-2022 гг. спровоцировали резкий спрос на квалифицированные кадры, многие из которых находятся в предпенсионном или пенсионном возрасте.

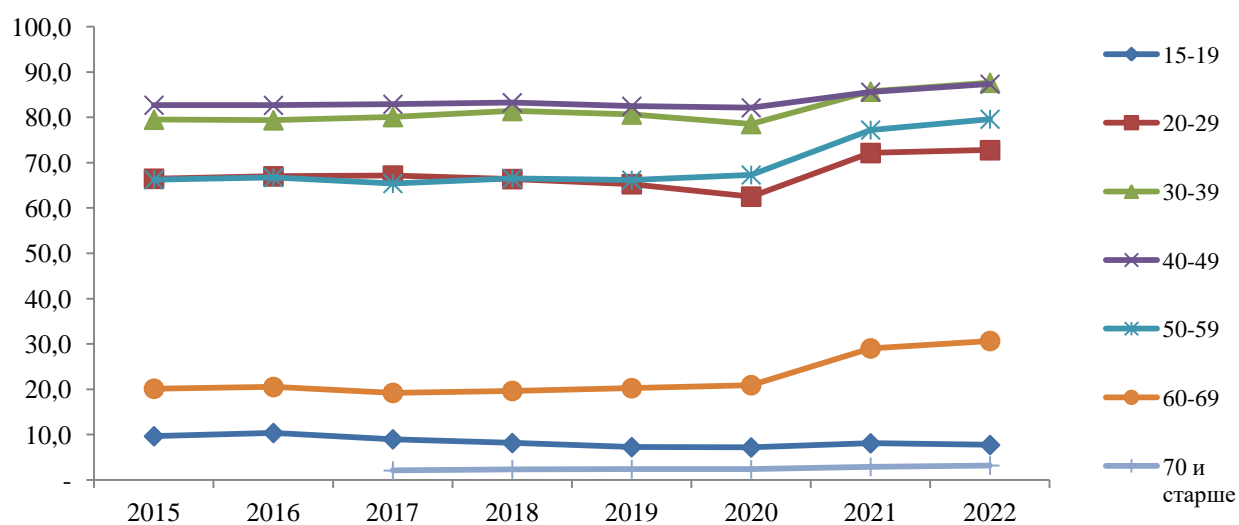

Рисунок 3 - Уровень занятости сельского населения в возрасте 15 лет и старше по возрасту

Анализ уровня сельской безработицы показывает, что, начиная с 2000-х годов, наблюдалось его сокращение, причем в городе более стремительно, а на селе – медленнее (рис. 4). Уровень безработицы сельского населения впервые с 2000 г. снизился только в 2008 г., достигнув уровня 9,6%, затем наблюдался рост. Начиная с 2011 г., заметно постепенное снижение сельской безработицы с небольшим ростом в 2017 г., вплоть до «пандемийного» 2020 г. Рост безработицы на селе в 2020 г. составил 14,5% по сравнению с 2019 г., однако, в городе рост произошел на 33,2%. При этом, начиная с 2021 г., безработица начала сокращаться, достигнув минимума за период 2000-2022 гг. как в городе, так и на селе.

Интересно отметить, что безработица среди сельских мужчин была выше с 2015 г., чем среди женщин. Наблюдалось сокращение ее уровня до 2019 г. как у мужчин, так и у женщин, однако, в пандемийный 2020 год безработица выросла, но незначительно (рис. 5). В последующий период с 2021 г. по 1 квартал 2023 г. отмечается сокращение безработицы, как среди мужчин (до 4,7%), так и среди женщин (до 4,8%). Тем не менее, в постпандемийный период безработица среди сельских женщин стала выше, чем среди мужчин.

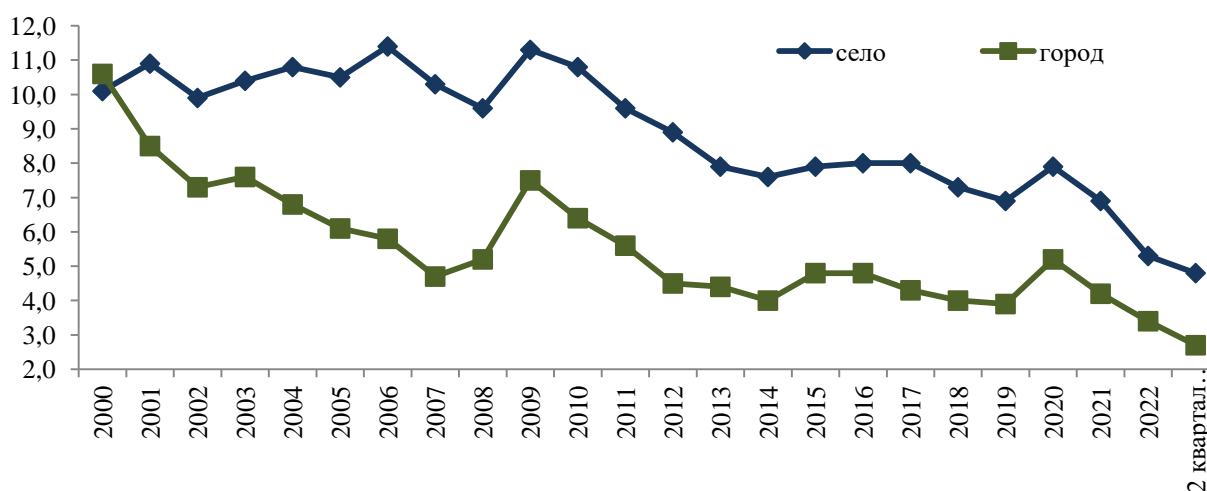

Рисунок 4 - Уровень безработицы населения в зависимости от места проживания, в % от соответствующей группы

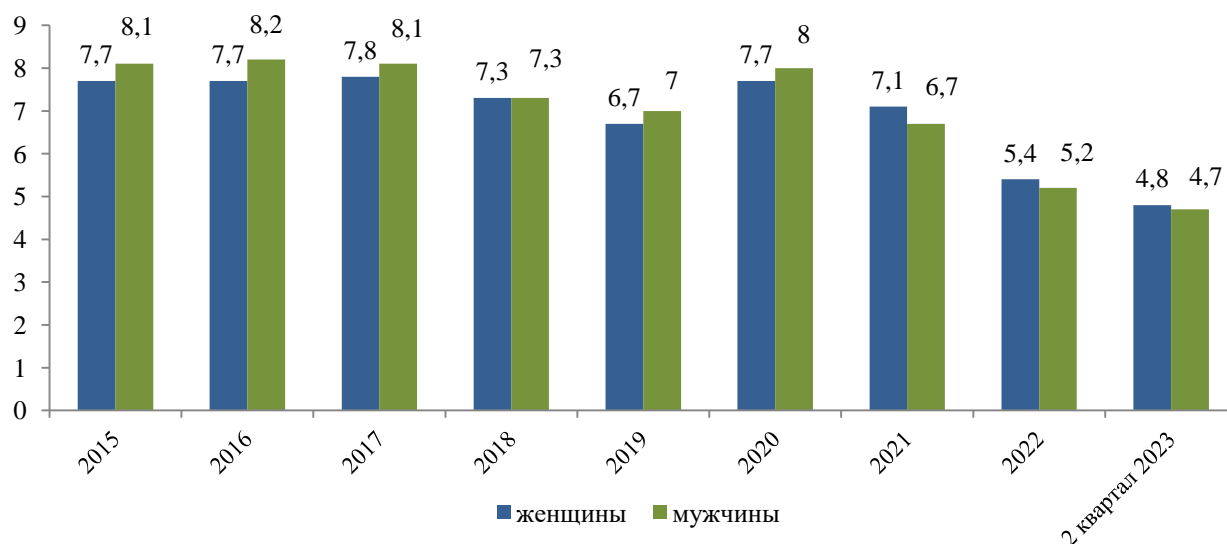

Рисунок 5 - Уровень безработицы сельского населения в зависимости от пола, в %

Анализ динамики возрастной структуры сельских безработных показывает, что в 2022 г. около 60,2% из них составляли лица до 39 лет (29,4% - молодежь 20-29 лет, 26,8% - лица 30-39 лет, 4,0% - лица 15-19 лет). За период с 2015 г. удельный вес молодежи 15-19 лет и 20-29 лет сократился (с 6,2% и 32,5%, соответственно), в то время как лиц 40-49 лет - вырос (с 18,8% до 20,8%). Доля лиц 50-59 лет в составе безработных также снизилась (с 17,7% в 2015 г. до 15,7% в 2022 г.), в то время как доля тех, кому 60-69 лет - выросла (с 1,6% до 3,0%). В период пандемии в составе сельских безработных увеличивался удельный вес молодежи 30-39 лет (с 24,0% в 2019 г. до 26,7% в 2020 г.), который не сократился вплоть до начала 2023 г.

Интересно отметить, что при общем сокращении уровня сельской безработицы после прохождения пика пандемии, выявлены различия этого процесса по возрастным группам. Наибольшие темпы снижения уровня безработицы за 2015 -2022 гг. наблюдались среди лиц 50-59 лет (на 36,5%) и 40-49 лет (на 28,2%). Для молодежи 20-29 лет характерны более скромные темпы снижения безработицы – на 17,9%. В группе молодежи 15-19 лет и лиц 60-69 лет темпы снижения безработицы составили 25,8% и 25,0%, соответственно. Однако отмечается резкий рост уровня безработицы в возрасте 70 лет и старше – на 135%, что может свидетельствовать о возросшей заинтересованности этой возрастной группы в оплачиваемой занятости и трудностями ее достижения в условиях суженного сельского рынка труда.

Таблица 1 – Уровень безработицы сельского населения по возрастным группам

	в том числе в возрасте, лет						
	15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
2015	31,7	11,9	7,5	6,2	6,0	3,1	
2016	28,6	12,4	7,7	6,4	5,6	2,5	
2017	26,7	12,0	7,8	6,5	6,2	3,9	1,4
2018	25,9	12,2	6,8	5,9	5,3	3,2	1,3
2019	26,1	11,6	6,2	5,7	5,2	3,1	3,0
2020	26,0	13,4	7,9	6,4	5,7	3,1	2,7
2021	25,1	12,0	6,9	5,2	5,4	2,6	2,9
2022	23,5	9,8	5,5	4,5	3,8	2,3	3,3
Сокращение/прирост за 2015-2022 гг	-25,8	-17,9	-26,8	-28,2	-36,5	-25,0	135,0

Еще одним интересным моментом является выявленная динамика структуры сельских безработных по уровню образования. За период 2015-2022 гг. в составе сельских безработных на 9,5% сократился удельный вес квалифицированных рабочих (служащих) и на 7,2% - лиц со средним общим образованием, причем он «падал» даже в период пандемии COVID-

19. Доля специалистов среднего звена в составе сельских безработных немного вырос в период локдауна, хотя в целом с 2015 г. показал небольшое сокращение (на 2,1%). Важно отметить, что удельный вес лиц с высшим образованием среди безработных вырос на 29,7%, что может свидетельствовать не столько о нехватке в сельской экономике свободных рабочих мест для лиц с высоким уровнем притязаний, сколько о низком уровне предлагаемых им условий труда и его оплаты.

Таблица 2 – Структура сельской безработицы по уровню образования, в %

	высшее	специалисты среднего звена	квалифициро- ванные рабочие (служащие)	среднее общее	основное общее и ниже
2015	11,6	17,0	20,4	35,6	15,5
2016	12,2	17,4	20,2	35,7	14,4
2017	12,8	18,1	20,5	33,9	14,7
2018	12,5	18,4	20,4	33,2	15,5
2019	14,5	17,3	19,8	33,4	15,0
2020	15,6	18,6	19,4	32,3	14,1
2021	14,5	19,4	19,0	31,4	15,6
2022	15,0	16,6	18,5	33,1	16,9
Сокращение/прирост за 2015-2022 гг	29,7	-2,1	-9,5	-7,2	9,0

Отдельным аспектом исследования является анализ уровня доходов различных типов сельских домохозяйств, а также особенностей динамики уровня бедности сельского населения в период локдауна и последующих санкционных вызовов для экономики.

В период пандемии ключевыми приоритетами социальной поддержки населения стали пособия для низко обеспеченных семей с детьми и безработных, а также единовременные выплаты для детей и пенсионеров. По оценкам экспертов, в 2020 г. государство дополнительно направило 1,96 трлн. руб непосредственно на поддержку доходов населения [3]. В регионах дополнительные меры поддержки получили категории населения с устойчиво высокими рисками бедности, в основном те, кто уже находился в поле зрения органов социальной защиты. Кроме того, были расширены меры для нейтрализации новых социальных рисков, влияющих на качество жизни населения. Несмотря на масштабность дополнительных мер социальной защиты, по данным отдельных исследователей только 50% домохозяйств, столкнувшихся с потерей доходов в период пандемии, получили поддержку в виде регулярных дополнительных социальных выплат [3]. Согласно данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проводимого Росстатом, в 2021 г. пособия, назначенные семьям с детьми в связи с распространением коронавирусной инфекции на селе получили 17,8%, в то время как в городе - 25,1%. Кроме того, пособия, назначенные другим категориям получателей (в основном выплаты зарегистрированным безработным и надбавки им за несовершеннолетних детей) получили 3,2% сельских жителей и 11,8% городских.

Национальная цель по сокращению уровня бедности в стране в 2 раза стала с 2018 г. основным ориентиром для российской системы социальной поддержки населения, а ключевым инструментом для этого – экономический рост и социальные выплаты. Важнейшим трендом 2019–2021 гг. в социальной поддержке населения стало ускоренное создание системы всеобщей доступности адресных пособий по нуждаемости для всех семей с детьми за счет увеличения охвата социальными выплатами, повышения их размеров, развития новых подходов к оказанию поддержки малоимущим и к оценке нуждаемости. Подобные меры усилили вклад социальной поддержки в сокращение бедности. Тем не менее, эксперты НИУ ВШЭ отмечают, что опыт антикризисной социальной поддержки населения показывает, что единовременные монетарные меры универсального характера имеют невысокую эффективность для сокращения бедности населения. Главная причина этого - сосредоточенность на традиционно уязвимых группах населения и ограниченный доступ к поддержке «новых» по-

страдавших, неожиданно попавших в трудную жизненную ситуацию из-за потери занятости или значительной части дохода.

Результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проводимого Росстатом ежегодно, свидетельствуют о тенденции роста уровня среднедушевых денежных доходов во всех основных категориях сельских домохозяйств. Больше всего заметен рост доходов в семьях с двумя работающими взрослыми, а также в домохозяйствах, сильно зависящих от социальных выплат (в многодетных семьях; домохозяйствах, имеющих в своем составе инвалида; семья из двух работающих пенсионеров). Соответственно наиболее уязвимыми категориями семей являются те, в которых имеет оплачиваемую занятость только один взрослый и одновременно имеет место высокая иждивенческая нагрузка. Поэтому семьи, имеющие в составе несовершеннолетних детей, имеют самые низкие среднедушевые денежные доходы. Анализ реальной покупательной способности доходов осуществляется путем соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума соответствующего года. Согласно полученным результатам исследования, в 2021 г. отмечается резкий скачок покупательной способности доходов всех типов домохозяйств, обусловленный масштабными выплатами через систему социальной поддержки населения в период пандемии (рис. 6). Однако в 2022 г. произошла индексация величины прожиточного минимума сразу на 20,%, что было гораздо выше роста уровня среднедушевых денежных доходов населения. Именно этим фактом обусловлено сокращение покупательной способности доходов в 2022 г. и рост удельного веса малоимущих домохозяйств во всех категориях сельских семей (рис. 7). Кроме того, по данным Правительства РФ в 2024 г. намечается новая индексация на 8,1%. С одной стороны, размер прожиточного минимума используется при оценке нуждаемости, от него же зависят размеры социальных выплат. С повышением этой величины увеличиваются размеры выплат для нуждающихся семей с детьми, социального контракта по ряду направлений, а также федеральной и региональной социальных доплат к пенсиям. А с другой – есть риски резкого роста уровня бедности населения из-за более низких темпов роста доходов населения.

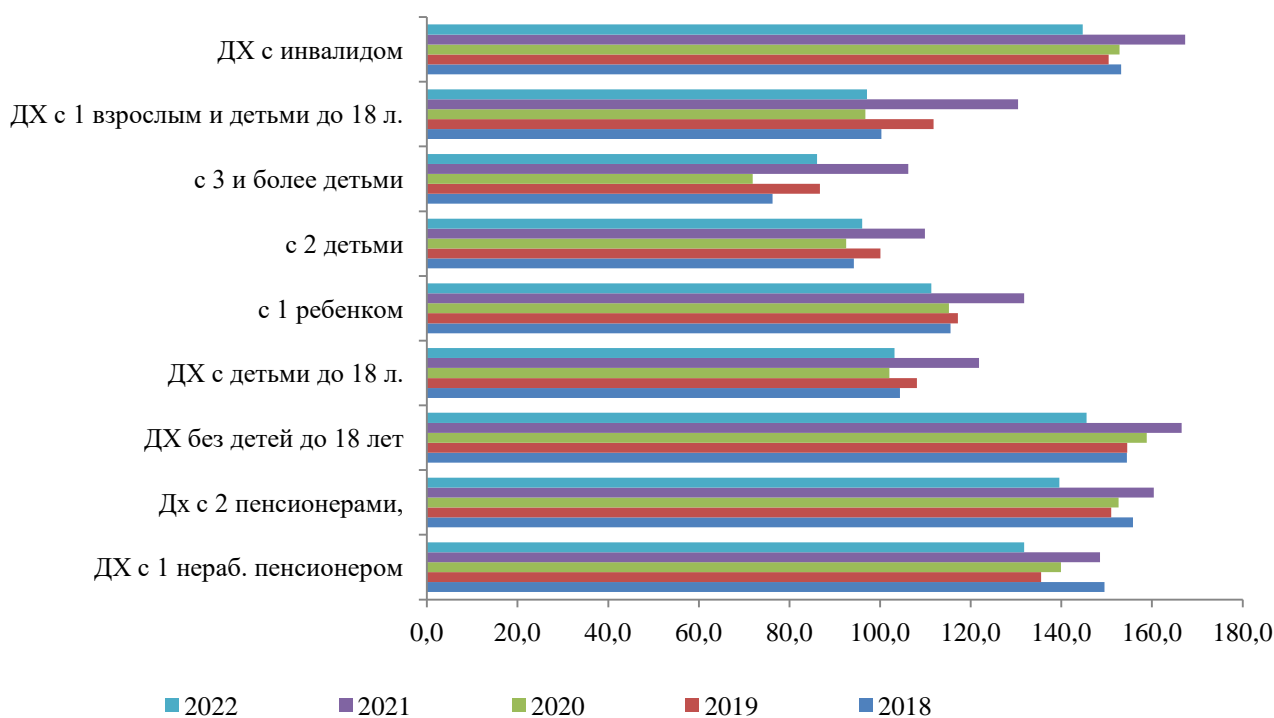

Рисунок 6 - Покупательная способность среднедушевых денежных доходов различных типов сельских домохозяйств

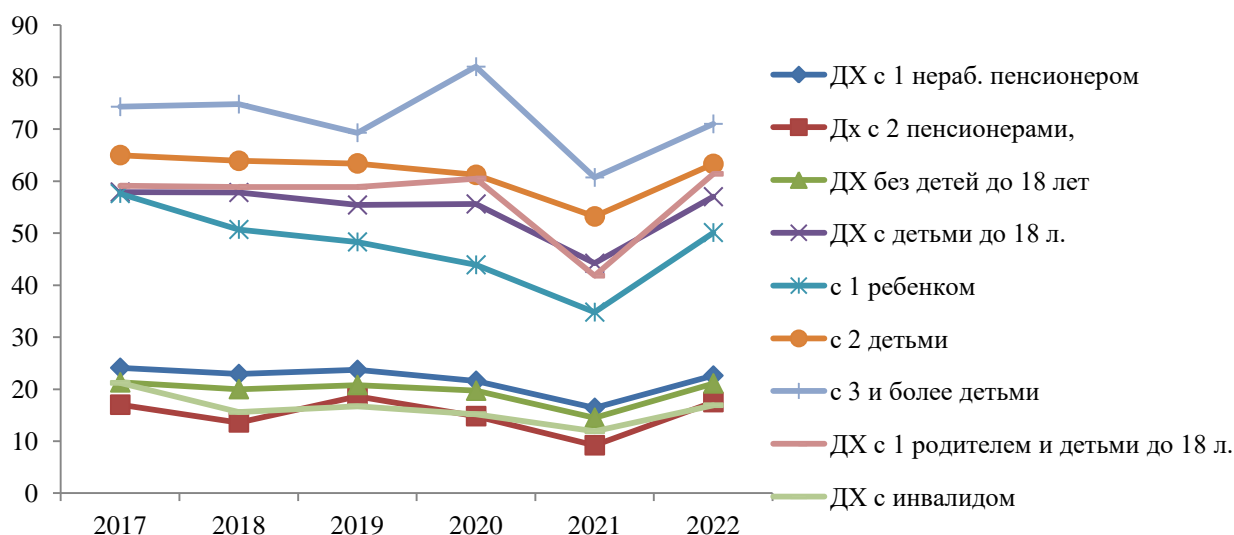

Рисунок 7 - Удельный вес различных категорий сельских малоимущих домохозяйств в общей численности домохозяйств соответствующего типа, %

Интересно отметить, что схожая тенденция роста покупательной способности доходов до 2021 г. с резким сокращением в 2022 г. характерна и для анализа влияния отрасли занятости. Традиционно, уровень оплаты труда в сельском хозяйстве является самым низким из всех отраслей экономики, а наивысшие зарплаты имеют занятые в сфере государственного управления и безопасности, финансах, страховании и недвижимости, добывающих и обрабатывающих отраслях экономики (табл. 3). Наивысшая покупательная способность в 2021 г. была у работников здравоохранения, образования, управления, наименьшая – у занятых в сельском хозяйстве и торговле. Тем не менее, работники высоко оплачиваемых отраслей больше остальных ощутили сокращение покупательной способности доходов в 2022 г. по сравнению с занятыми в сельском хозяйстве.

Таблица 3 – Покупательная способность среднедушевых денежных доходов сельского населения в зависимости от отрасли занятости главы домохозяйства, %

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское хозяйство	120,1	132,9	136,3	137,8	156,7	132,7
Добыча, обрабатывающая промышленность	149,2	168,5	171,9	171,3	192,3	163,4
Строительство	154,1	154,7	167,5	170,0	175,8	167,7
Торговля, услуги	142,5	144,1	161,6	165,3	168,2	149,8
Финансы, страхование, недвижимость	164,2	166,2	163,1	182,2	197,0	160,0
Гос. управление и безопасность	160,5	169,1	186,3	181,6	196,1	166,2
Образование	155,0	165,3	172,8	173,3	192,2	160,1
Здравоохранение и социальные услуги	140,5	177,3	170,9	167,7	201,4	161,0
Культура, спорт, организация досуга	137,7	152,7	155,9	174,3	185,4	156,0

Заключение.

Анализ социально-экономических тенденций устойчивого развития российского села в постпандемийный период показывает неоднозначные результаты. Во-первых, динамика уровня занятости свидетельствует о незначительном его сокращении в 2022 г. вследствие локдауна, с последующим ростом до значений, выше допандемийного уровня, особенно у сельских мужчин. Уровень занятости молодежи до 39 лет, хотя и падал в 2020 г., характеризовался высокими темпами восстановительного роста в постковидный период. Занятость лиц предпенсионного возраста, наоборот, не сокращалась в период локдауна и существенно

выросла в 2021-2022 гг. Динамика безработицы на общем фоне ее сокращения с 2009 г., как в городе, так и на селе, резко выросла в 2020 г., однако, затем продолжила тренд на снижение. Темпы снижения безработицы после пандемии были наивысшими у лиц 50-59 лет и 40-49 лет, что свидетельствует об активном поиске возможностей оплачиваемой занятости. Особую тревогу вызывает увеличение с 2015 г. на 29,7% удельного веса лиц с высшим образованием в составе сельских безработных, что свидетельствует о нехватке на селе свободных и достойных рабочих мест для лиц с высоким уровнем квалификации.

Выявленные тенденции роста среднедушевых денежных доходов сельского населения продолжили свой рост и в период пандемии, в значительной степени благодаря огромным вливаниям через систему социальной поддержки населения. Однако принятые в 2022 г. решения о дополнительной индексации величины прожиточного минимума, являющейся основой определения уровня бедности, способствовали сокращению покупательной способности доходов во всех типах сельских домохозяйств вне зависимости от сферы деятельности и иждивенческой нагрузки.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что кризис занятости и сокращения доходов в период локдауна отразился на сельских домохозяйствах, особенно занятых в сельском хозяйстве и имеющих высокую иждивенческую нагрузку. Тем не менее, заметна активизация сельского населения по поиску возможностей восстановления занятости в постпандемийный период. Особую тревогу вызывает наметившийся с 2015 г. очередной цикл сокращения рождаемости на селе, который обусловлен, как объективным снижением числа женщин репродуктивного возраста, так реакцией молодежи на проявления социально-экономической нестабильности в сфере занятости и доходов. В этих условиях необходим поиск дополнительных стимулов на основе социальных гарантий не только социально уязвимым группам населения, но и самодостаточным группам молодежи и лицам среднего возраста для предотвращения рисков непредвиденных последствий социально-экономических и эпидемиологических вызовов.

Список источников

1. Блинова Т.В. Демографические риски и ограничения устойчивого развития сельских территорий в период пандемии COVID-19 // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022. № 7. С. 51-59.
2. Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. 7(2). С.97-120.
3. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего. докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Л. Н. Овчарова, О.В. Синявская (науч. ред.); Е. А. Андреева, С.С. Бирюкова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: 2022. - 184 с.

References

1. Blinova T.V. Demographic risks and restrictions on sustainable development of rural areas during the COVID-19 pandemic. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2022;(7): 51-59. (In Russ)
2. Osipova I. Reproductive attitudes of Russians and attitude towards government measures to support fertility. *Demographic Review*. 2020;7(2):97-120. (In Russ)
3. Social protection in Russia before and after the pandemic: forks in the future. *Report to the XXIII Yasinsk (April) international. scientific conf. on problems of economic and social development*. 2022: 184. (In Russ)

Информация об авторе

А.А. Вяльшина – кандидат социологических наук;

Information about the author

A.A. Vyalshina - Candidate of Sociological Sciences;

*Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023;
принята к публикации 30.09.2023.*

*The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023;
accepted for publication 30.09.2023.*